

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМОВ «ЧУДЬ», «ПЕРМЬ», «ПЕЧОРА»

Названия рек, озер, пожен, урочищ, поселений Русского Севера рождают у нас бесконечные «почему?», «откуда?». Какие исторические обстоятельства привели к тому, что нередко эти названия оказываются иноязычного происхождения?

Не будем анализировать противоречивость сведений русских летописей, не будем давать оценки различным взглядам на исторические процессы того времени, когда шло формирование и закрепление на века нашего топонимического богатства. Но хочется определить логику возможных процессов, представляющих одну из тайн в истории возникновения северорусской топонимии.

Н. К. Бестужев-Рюмин, очевидно, и не предполагал, что открывает первое звено логической цепи в своей «Русской истории», когда писал: «Большие урочища всегда называются первыми поселенцами. Таким образом, если на востоке России мы слышим названия, которые звучат не по-славянски: Ока, Кама и т. п., а на западе — чисто славянские: Березина, Припять и т. д., то позволительно заключить, что запад ранее востока населен славянами...»

Функционирование топонимов показывает, что даже при переходе территорий от одного народа к другому в результате завоеваний или во время переселения сознательные попытки уничтожить первичный топоним оказываются бессильными. Лев Успенский в книге «Имя дома твоего» приводит достаточно примеров бесполезности таких попыток. Мы же остановимся на примере, описанном академиком Я. Гротом. Есть в Ленинградской области река Сестра. Совпадение названия с русским словом тем не менее не избавляет от сомнений в русской природе его происхождения. И это на самом деле так. Я. Грот вполне обоснованно считает, что древнее название этой реки было Съестарйоки, что по-фински означало Смородинная Река. В XVII—нач. XVIII вв. эти территории принадлежали шведам. Созвучие Съестар со шведским «систер» позволило переименовать речку на свой лад: Систер Бек — Сестрин Ручей. Когда войска Петра Первого захватили у шведов эти земли, то русские, поселившиеся в этих местах, заменили название на Сестра, и оно стало неинформативным.

Представим себе плавание вдоль южного побережья Белого моря. Мы отправляемся в путь из устья реки Онеги, проходим острова: Хедостров, Мягостров, Муксалму, Мудьюг. Останавливаемся в устьях рек, впадающих в море, обнаруживаем, что среди них практически нет ни одного русского названия: Тамица, Пурнема, Лямца, Ненокса, Сюзьма... Выходим в Баренцево море, и там та же картина: острова Корга, Колгуев, Вайгач... реки Индига, Вижас, Снопа...

Что же из этого вытекает?

То, что задолго до ушкуйников Древнего Новгорода, до XI в., кто-то проложил здесь морские дороги, и этим «кто-то», судя по названиям, могли быть представители финно-пермской языковой общности. Более того, мы вправе предположить, что древние новгородцы вообще не занимались морскими путешествиями и морские дороги по Белому и Баренцеву морям были проложены так называемыми «поморами», что, собственно, и не отрицается современной наукой. Но топонимические данные вступают в противоречие со сложившимся мнением о том, что древние поморы ведут свое начало от новгородцев и представляют однородную этническую группу севернорусского населения.

Так возникают два вопроса в связи с признанием нами тезиса, высказанного Н. К. Бестужевым-Рюминым («Большие урочища всегда называются первыми поселенцами»): кто первым проложил морские дороги вдоль побережья и кто такие поморы как этническая общность?

Обратимся ко второму звену нашего логического анализа.

Для нас кажется вполне ясным и понятным, что название, возникнув однажды, сохраняет свою жизнь благодаря тому, что передается от поколения к поколению. Такое утверждение не может вызывать возражений ни с чьей стороны. Но в этом случае перед нами встает вопрос: «Как получилось, что наши русские предки оставили нам названия, не имеющие к русскому языку никакого отношения?»

Очевидно, в закреплении названий сыграл роль какой-то фактор, имеющий глобальный характер, о чем свидетельствует распространение названий именно этого типа со схожими языковыми основами на территории большей, чем Западная Европа (Архангельская, Вологодская, Кировская, Тверская, Московская, Костромская области).

Что же это за глобальный фактор, обеспечивший массовую сохранность иноязычных топонимов на обширной территории Русского Севера?

Перейдем к третьему логическому звену нашего рассуждения.

Осваивая новые территории на море и на суше, первопроходцы и путешественники составляют подробные карты, на которые наносят ручьи, реки, озера, заливы, мысы, проливы и т. д., присваивая им названия или используя уже существующие. В этом случае обеспечивается сохранность названий не только в их первоизданном виде, но и практически на все времена существования человечества. Этот аспект возникновения и сохранения названий, получивший статус международной топонимической закономерности, применительно ко времени возникновения северорусской топонимии является гипотетическим и вопросов перед нами не ставит: для его проявления у древних насельников Севера не было никаких исторических условий.

Наконец, четвертое звено нашего рассуждения касается фактора, также имеющего международный характер, но нас интересует Русский Север, и мы раскроем его суть применительно к территории и истории Севера. Этот фактор многогранен, но его обязательным условием является длительное совместное проживание на одной территории народов разноразличных культур, их равноправное положение во всех областях жизни, и как результат этого — возникновение двуязычия.

Именно совместное проживание финно-пермских племен и русского народа обеспечило тот топонимический субстрат Севера, которым мы располагаем сегодня.

После всего сказанного очевидно, что если перед нами не встают проблемы общетопонимического порядка в исследовании северорусской топонимии, то проблемы общесторического порядка обостряются еще больше. И нас по-прежнему интересует этнический состав древних поморов и этническая картина Севера ко времени колонизации его русскими.

Естественно предположить, что многие десятилетия совместного проживания на одной территории разноразличных народов, имеющих разные этнические корни, вызывали не только двуязычие, но и постепенное неизбежное языковое и этническое поглощение одних другими. В нашем случае языковая победа оказалась на стороне русского народа, а этническая... Кто может сказать, сколько и какой крови течет в жилах современных архангелогородцев? И потому мы согласны с Т. А. Бернштам в том, что «...в сложении поморов принимали участие различные группы пришлого и местного населения, разноразличные по составу, так как между поморскими жителями разных территорий имеются антропологические, этнографические и иные различия» [1]. Безусловными свидетельствами этого являются и топонимические данные.

Согласно распространенной точке зрения, поморы — это особая группа русского населения, особенности которой определились ее хозяйственной деятельностью, связанной с морем и местом проживания — устьями северных рек и Беломорским побережьем. Выше мы уже высказали свои сомнения в справедливости такого утверждения, изучение же этнического прошлого Севера позволяет убедиться в обоснованности этих сомнений.

Первое упоминание о народах, живших на территории Русского Севера, в которых мы можем узнать действительных предков современных финно-угорских народов, встречается у готского историка Иордана (VI век). Перечисляя народы, обитавшие к северу от государства готов времен Германариха (IV век) — предводителя племенного союза остготов в Причерноморье, он среди прочих называет тудос, вас, меренс, морденс. Ученые однозначно расшифровывают эти названия как чудь, вепсы, меря, мордва.

Следующее письменное свидетельство о народах «стран полуношных» находим в «Повести временных лет» — древнейшем своде русских летописей (XII век): «На Белоозере живет весь. На Ростовском озере — меря, на озере Клешино — та же меря. По реке Оке, где она впадает в Волгу, мурома — народ отдельный, а черемисы — отдельный народ, мордва — отдельный народ».

Такое расселение северных народов, очевидно, относится к концу IX века, к периоду, когда Русское государство делало первые шаги в оформлении своей государственности, осознании своей территории, границ своего объединения. Об этом говорит хотя бы тот факт, что вслед за перечислением славянских племен и их территорий называются, как само собой разумеющееся, территории с русскими названиями, заселенные неславянскими народами: весь на Белоозере, меря на Ростовском озере... И вслед за этим называются «черемисы — отдельный народ, мордва — отдельный народ». Это, как нам кажется, означает не что иное, как их самостоятельное, отдельное от Руси существование. Мы, наверное, не ошибемся, если предположим, что эта картина этнического состояния приграничных районов Киевской Руси относится к концу X—началу XI веков.

Правда, уже через абзац от вышеприведенного текста автор «Повести временных лет» сообщает: «А вот другие народы, которые дань дают Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимьгола, корсь, либь — это отдельные народы из племени Иафета».

Эта запись отражает, по нашему мнению, более ранний период в истории Русского государства, так как народы «весь и меря» здесь

называются не в составе Руси, но как данники и отдельные народы. Вероятно, эта запись имеет отношение к началу или концу IX века.

Говоря о контактах славянских племен с финно-уграми до возникновения у первых государственности, мы должны заметить, что археологи располагают памятниками V—VIII веков, которые свидетельствуют о таких контактах и о следах совместного проживания.

Что же касается названий современных потомков финно-пермов, некогда селившихся на территориях, называемых Русским Севером, то мы не встретим среди них названий чудь, пермь.

Карелы, финны, саамы, эсты, водь, ижора, ливы, людики, вепсы, коми, удмурты — вот народы, получившие свое начало от этих двух народностей.

Почему обилие восточных славянских племен (поляне, древляне, дреговичи, радимичи, дулебы, кривичи, северяне, уличи, бужане...) породило только три братских народа — украинцев, белоруссов, русских, а народы пермь и чудь, упоминаемые автором «Повести временных лет», — более десятка?

Этот вопрос заставляет нас взглянуть по-новому на этническую содержательность древних этнонимов чудь, пермь, печора.

ЧУДЬ. Этот народ, упоминаемый в русских летописях еще как чудь заволочьская и чудь белоглазая, до настоящего времени представляет одну из загадок для ученых-этнографов. Отдельный это народ или собирательное название группы народов?

Русская история знает примеры, когда совершенно разные народы именовались одним именем. Можно вспомнить немецкие слободы в средневековых русских городах, в которых селились иноземцы, не умеющие говорить по-русски, а потому именуемые «немками» (немыми), а отсюда и общее название «немцы», «немецкая слобода». Не так ли обстояло дело и с древней чудью?

Ответ на последний вопрос начнем с того, что приведем мнение Л. Успенского о происхождении названия «чудь». В книге «Имя дома твоего» он пишет, что одно из древнегерманских племен, обитавших в причерноморских степях Крыма, называло себя тьюдд, что означало «народ». Для русского слуха оно звучало как «чудь», от него возникло в русском языке и слово «чужой». Соседское проживание древнегерманской чуди и славянских народов было нарушено перемещением германцев на запад в Европу, а славяне, продвигаясь на север и северо-восток, встретили другой, чуждый им по языку народ (или народы) и, естественно, величать его стали «чудью».

А. И. Попов, исследуя материалы писцовых книг Новгородской области, обращает внимание на то, что этноним «чудь» более всего относился к эстам и вепсам. Но он считает, что возможно и более широкое его употребление в древности (заволочская чудь, Чудской конец в Ростове Великом) [2]. Кстати, тезис А. И. Попова о том, что термин «чудь» перестал быть этническим, «получив значение иного характера — название всевозможных остатков древности», звучит предостережением тем, кто всякое название с основой «чуд» объясняет присутствием в древности в этих краях летописной чуди.

Мнение Л. Успенского и А. И. Попова совпадают в том, что «чудь» — это название народов финно-угорской общности, при этом А. Попов более склонен относить это именование к прибалтийско-финским народам.

Р. А. Агеева, проведя системный анализ функционирования этнонима чудь (чухна, чухарь) на территории Русского Севера, а также Кольского полуострова, Предуралья и Западной Сибири, пришла к выводу, «что первичными значениями терминов чудь, чухна, чухарь могли быть следующие: 1) вообще финно-угорские народы, 2) прибалтийско-финские народы, в том числе эсты, воть, ижора, карелы, финны, вепсы, 3) (в Заволочье) население бассейна Онеги, Двины, Мезени, Пинеги, Печоры...» [3].

Но, отмечая, что как самоназвание этот термин употребляют эсты, воть, вепсы, что своими предками считают чудь коми (зыряне и пермяки), вепсы и частично русские (некоторые семьи на Севере), Р. А. Агеева приходит к заключению: чудью назывались известные и, вероятно, некоторые неизвестные прибалтийско-финские племена (или племена, подвергшиеся их влиянию). От себя мы дополним: так как в группу народов, считающих себя потомками чуди, включается и коми народ, то чудь, скорее всего, относилась к финно-пермской общности, а не к прибалтийско-финской.

С. К. Бушмакин приводит справку: «Чудзя, Шудзя, Шудья, Чудья» [4]. Этнографы прошлого века И. Н. Смирнов и Г. Н. Потанин современное название возводят к этнониму чудь. Население, причислявшее себя к роду шудзя (чудзя), расселено почти по всей Удмуртии. И. Н. Смирнов считает, что на территории расселения нынешних удмуртов и пермяков жили югры (чудь) и многие названия воршудов заимствованы из чудского языка.

Ф. С. Томилов в историческом очерке «Север в далеком прошлом» утверждает, что термин «заволочская чудь» является чисто географическим понятием. Так называли новгородцы все население Заво-

лочья (бассейнов рек Онеги и Северной Двины), считая его родственным финнам, карелам, саамам.

Большая Советская энциклопедия указывает, что чудь — название в древнерусских летописях эстов и родственных им угро-финских племен (заволочская чудь), живших во владениях Новгорода Великого к востоку от Онежского озера — по рекам Онеге и Северной Двине.

Приведенные точки зрения важны для обоснования первичного значения названия чудь. Главное в них — признание всеми учеными собирательного характера этого наименования, того, что названием чудь обозначается не какой-то один народ.

Признавая, что на заре своего появления название чудь имело собирательное значение, мы должны попытаться установить его языковое авторство. Если авторами термина были русские, то под ним они могли подразумевать все северные народы — чужаков по отношению к русским. А если авторами были сами северные народы?

Для размышления об этом мы находим богатый материал в работах Р. А. Агеевой. В уже упоминавшейся нами статье она дает анализ сведений из письменных источников, исследований отдельных ученых, своих собственных наблюдений, итогом которых стало следующее положение: прежде всего может быть, что ЧУДЬ — это самоназвание народов: а) финно-угорской языковой общности; б) финно-пермской языковой общности; в) прибалтийской языковой общности.

Но в какой же конкретно из этих этапов развития финно-угорской семьи народов появился этноним чудь?

Мы не располагаем достаточным фактическим материалом по топонимике и языку народов угорской ветви, но материал финно-пермского периода позволяет сделать несколько заключений: 1) эсты, водь, вепсы употребляют слово чудь как самоназвание; 2) коми-пермяки и коми-зыряне считают чудь своими предками; 3) среди удмуртских родов есть такие, которые считают, что ведут свое начало от чуди.

Эти факты явно свидетельствуют о том, что слово чудь в период финно-пермской общности существовало как слово их языка. Если это действительно так, то в языках потомков это слово должно сохраниться в том или ином значении. Как этноним оно существует и в прибалтийско-финских, и в пермских языках. А вот в языке саамов это слово имеет значение «враг, грабитель, преследователь» (данные Р. А. Агеевой). Правда, в фольклоре саамов есть мифический герой Чудоорча — предводитель Чуди, часто он же в сказках выступает как колдун, шаман.

Этот поиск можно продолжать, и мы уверены, что он будет плодотворным, но нас интересуют топонимические данные, поэтому обратимся к ним.

Если нанести на современную карту географические названия с основой чуд, то обнаружится, что они имеются во всех ареалах прежнего и современного проживания прибалтийско-финских и пермских народов. Условная граница, проведенная через эти названия, пройдет от Предуралья через Удмуртию, Коми-Пермяцкий округ и Коми Республику, затем по территории Архангельской области без захода в бассейны рек Мезени и Печоры и, разветвляясь у западного берега Белого моря, уходит одним крылом на Кольский полуостров, другим — в Прибалтику.

Все это позволяет сделать вывод, что слово чудь существовало как самоназвание народов финно-пермской общности.

А как быть с летописной чюдью?

Мы не имеем в своем распоряжении ни копии оригинала «Повести временных лет», ни системного (в полном объеме) ее перевода. Те отрывочные сведения, которыми мы пользуемся, позволяют заключить, что автор «Повести...» не вполне последователен в использовании этого термина. В одном случае он пишет: «А вот другие народы, которые дань дают Руси: чудь, меря, весь...», в другом — «...в Афетове же сидят Русь, Чудь и все языцы: Меря, Муром, Весь...» И выходит, что термин чудь используется то как название отдельного народа, то как собирательное для всех народов, проживающих на севере, северо-востоке от Древней Руси. Это противоречие вызвано, очевидно, тем, что к XII веку уже менялась содержательная сторона названия чудь у русских. В еще более позднее время появились этнонимы чудь заволочская, чудь белоглазая, чудь черная. В каждом из этих названий слово чудь, сохраняя прямое отношение к именованию финно-пермских народов, приобрело определение, содержащее дифференцирующий признак — по месту проживания и отличительным чертам внешнего вида (так, например, карелы и вепсы — народ светловолосый и голубоглазый, а коми, мордва, мари — темноволосы и черноглазы).

Для топонимического анализа принципиально важно не относить не поддающееся дешифровке название к загадочной и таинственной чуди с неизвестным нам языком (что нередко встречается). Чудь — это этнособирательное самоназвание финно-пермов.

ПЕРМЬ. До нас это слово дошло в виде именованя города и составной части названия народа — коми-пермяки. В «Повести

временных лет» пермь упоминается в списке «и все языцы», то есть как отдельный народ.

Что же это был за народ?

Как и в случае с чудью, нас прежде всего интересует история происхождения названия. Это тем более важно, что современные пермские народы, как мы выяснили, считают своими предками чудь, но не пермь.

Вот как объяснил историю этого названия известный исследователь северорусской топонимии профессор Уральского университета А. К. Матвеев в популярной статье в журнале «Уральский следопыт»: «Многое видели берега Северной Двины. Не одно племя сменило другое. Когда-то обитала в этих местах таинственная Заволочская Чудь, доподлинно неизвестно, но, скорее всего, — родня современных саами-лопарей. Потом пришли сюда прибалтийско-финские племена — карелы да вепсы. Перя маа — «Крайней Землей» — называли они эти места».

Эту же точку зрения высказывает А. С. Кривошекова-Гантман в книге «Откуда эти названия?», посвященной происхождению пермских географических названий, объясняя возникновение слова «пермь» от вепсского пера маа — «задняя земля», заволочье.

От себя добавим, что мы бы не стали конкретизировать языковое авторство этого названия, поскольку оно в равной мере могло возникнуть как в период финно-пермской общности, так и после ее распада (ср. кар.-фин. перя, коми бёр в значении «зад»; кар. муа, фин. маа, коми му — «земля»).

Если «авторами» этого названия явились вепсы, то почему, на каком основании они называли пермью огромные территории Заволочья? Этим вопросом задаются многие исследователи. Если же пермью назывался определенный народ (по свидетельству «Повести временных лет»), то почему он имел столь странное название — «Задняя Земля»?

Учитывая, что у всех народов мира восток связан с началом, можно предположить, что название «Задняя Земля» должно было появиться в эпоху, когда древние финно-угры начали свой путь от Предуралья, двигаясь на запад, то есть в «задние земли», дробясь и обособляясь в хозяйственном, языковом и этническом отношениях. Славянские племена, общение которых, по свидетельству археологических памятников, началось еще в VI веке, не могли не включить в свой языковой арсенал эту ориентационную характеристику, которая к моменту формирования русской народности стала использоваться для обозначения жителей определенных территорий (это

были, скорее всего, земли Верхнего и Среднего Подвинья, а возможно, и Беломорского побережья).

Пермь в нашем понимании — это этнотерриториальное название финно-пермских народов, проживающих на землях к востоку от Северной Двины, включая побережья Белого и Баренцева морей вплоть до Урала. И пермский след в топонимии морских побережий свидетельствует об этом.

ПЕЧОРА. Сведения об этом народе и в летописных документах, и в специальных работах крайне скудны. Большая Советская энциклопедия, почерпнув данные из монографии Л. П. Лашука «Очерк этнической истории Печорского края» (Сыктывкар, 1958), сообщает, что это «древний народ, живший в бассейне реки Печоры». Информационная скудость этого сообщения может соперничать с данными «Повести временных лет», сообщившей о народе печора только то, что он «дань платит Руси».

Что же это был за народ? Представители какой группы уральской семьи языков скрывались под этим названием? Финно-пермы? Угры? Самодийцы? Топонимические данные свидетельствуют о проживании в бассейне Печоры всех этих народностей. Что же мы можем добавить к современным знаниям о летописной печоре?

Если продолжить анализ приведенного древним летописцем перечня народов, соседствующих на севере с русскими, то можно допустить, что название печора есть название объединительно-территориальное, не содержащее указания на этническую принадлежность.

Таким образом, если чудь — название объединительно-этническое (финно-пермы), пермь — название этнотерриториальное (народы финно-пермской группы, проживающие в восточном Заволочье), то печора — название объединительно-территориальное (народы, проживающие в бассейне Печоры).

Наша уверенность в правильности такой трактовки базируется еще и на том, что название печора упоминается в письменных документах вплоть до XVI века, до периода достаточно четкой именной суверенизации северных народов. В XIV—XV веках начинается процесс самоназвания народов, при этом появились новые, не известные древнему летописцу названия, а широко известное печора исчезло. История не зафиксировала в этот период никаких катаклизмов, способных уничтожить без следа целый народ, а значит вывод может быть только один: печора — это объединительно-территориальное название, которым русские обозначали народы, жившие в бассейне Печоры.

Этнотерриториальная картина, воссозданная нами, имеет отношение к VIII—IX векам, то есть ко времени, которое уже оставило заметный след в письменных источниках. И тем не менее историческая судьба народов, о которых идет речь в этой статье, имеет какую-то непроясненность, в наших знаниях о ней есть некий провал, с которым связан целый слой северорусской топонимии, где каждое название вызывает вопросы «кто?», «когда?», «почему?».

Почему следы не упоминаемых в летописи народов: финнов, карелов, саамов, коми и др.—обнаруживаются в топонимах Русского Севера, происхождение которых можно соотнести со временем существования финно-пермской общности, по крайней мере, не позднее периода пра-пермского языка (VII—VIII века н. э.)? Если Север к X веку был заселен редкими полудикими «тунгусскими» племенами, то откуда появилась обширнейшая совокупность топонимов финно-пермской языковой общности? Если новгородцы только к XI веку вышли в Белое и Баренцево моря, то кто назвал десятки островов в открытом море, сотни речушек, множество мысов, гор, холмов побережья именами, ничего не говорящими русскому человеку, но нанесенными на карты средневековья как хорошо известные ориентиры?

Ответы на эти вопросы позволили бы проникнуть в главную тайну возникновения и сохранения финно-угорских названий на Русском Севере.

Анализируя этническую ситуацию на Севере к началу IX века по материалам «Повести временных лет», мы определенно можем сказать, что славянские народы в пределах земель «стран полunoшных» в это время не проживали. Первое появление их в этих землях было связано с периодом образования у них этнотерриториальных объединений. Автор летописного свода оставил подробную справку о таких объединениях: «...славяне свое в Новгороде, иное княжение на Полоте, где полочане. От них кривичи, которые живут на верховьях Волги, Двины и Днепра...» Содержание этой справки, результат ее научной обработки, подтвержденный современной археологической наукой, антропологическими и этнографическими данными, позволяют согласиться с выводами Т. А. Бернштам:

1) на территории европейского Севера от Белого моря до Уральских гор и от Баренцева моря до верховьев Волги в IX веке летопись не помещает ни одного славянского племени;

2) на пограничной с Севером территории от Балтийского моря до Волго-Окского междуречья славяне ранее всего появляются в

Приильменье — в IX веке, образуя в середине IX века союз племен (словене новгородские);

3) в Приладожье славяне как серьезный этнический компонент появляются лишь в X веке;

4) территория Волго-Окского междуречья в VIII—IX веках, безусловно, занята финно-угорскими племенами...

Мы не можем узнать подробности процесса, позволившего не только сохранить названия, созданные народом за много сотен лет до прихода в эти земли славян, но, возможно, и создать новые из неславянских корней при заселении этой территории славянами.

Выводы же из всего вышеизложенного можно сделать следующие:

1. Названия большей части рек, озер и других крупных объектов принадлежат, во-первых, древним засельникам Севера периода финно-пермской языковой общности; во-вторых, поморам как особой этнической группе, сложившейся в условиях смешивания народов и их языков.

2. Передача и сохранение иноязычных названий были возможны только в условиях двуязычия, сохранявшегося на протяжении многих десятилетий.

3. Морские пути вдоль побережья Северного Ледовитого океана были уже проложены до прихода русских, и лоцманы первых русских судов — коренные засельники; далее же в условиях двуязычия создавались как славянские, так и финно-пермские наименования рек, озер и др.

Таким образом, существование своеобразного топонимического словаря Архангельской области говорит о необходимости признать главным условием его возникновения исторический процесс смешения племен, народов и их языков. Поморы — разноэтническая по своим корням группа — и сохранила названия первых засельников Севера, и создала свои, не всегда имеющие славянские корни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.

2. Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981.

3. Агеева Р. А. Об этнонимах ЧУДЬ / ЧУХНА, ЧУХАРЬ // Этнонимы. — М., 1970.

4. Бушмакин С. К. Воршудные имена — микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. — М., 1970.